

2. Поляков А.В. Прошание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Рос. ежегодник теории права. 2008. № 1.
3. Честнов И.Л. Постклассическое правоупонимание. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2010.
4. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб. : Изд. дом «Алеф-пресс», 2012.
5. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков : Право, 2002.
6. Пермяков Ю.Е. Основания права. Самара : Универс-груп, 2003.
7. Декарт Р. Разыскание истины. СПб. : Азбука, 2000.

УДК 340.1

М.В. Антонов, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРАВА: В ПОИСКАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Систематизация права может мыслиться двояко. С одной стороны, речь может идти о значении, привычном для советских и постсоветских юристов (термин употребляется не для демонстрации пренебрежительного отношения к уровню современной науки права в бывших странах СССР, но для совокупного обозначения правовых доктрин России, Беларуси, Украины, Казахстана и других стран, которые объединяет общая методологическая основа), – деятельности по упорядочиванию нормативно-правового материала (инкорпорация, кодификация, консолидация). С другой стороны, в качестве систематизации может пониматься деятельность представителей юридической доктрины по описанию правовой действительности и правового порядка как целостных, системных образований, для чего и употребляются соответственно термины «система права» и «система законодательства». В данной статье мы разберем теоретические основы и возможные пути систематизации права в обоих из указанных значений.

В первом аспекте выделяются систематизация права, понимаемая как постоянная форма развития и упорядочения действующей правовой системы, и систематизация законодательства (нормативных правовых актов), т. е. деятельность по упорядочению нормативных актов, приведенно их в консолидированную, согласованную систему.

В обоих случаях моделью для упорядочивания правового материала выступает образ целостной системы, инкорпорирующей в себя либо все действующие нормативные правовые акты данного правового порядка (система законодательства), либо все элементы правовой действительности (система права). К примеру, С.С. Алексеев считает, что «праву свойственна нормативность особого качества. Она выражена в целостной регулирующей нормативной системе, пронизанной единым духом – принципами, общими положениями, главным же, единым на каждом участке, общими регулятивными началами, единым порядком, как правило, особым политическим режимом» [1, с. 88]. Этот автор видел в праве логическую систему, соответствующую нормам и требованиям формальной логики. «Оно как нормативное образование призвано выступать в общественной жизни в виде логически стройной и законченной, непротиворечивой и последовательной системы норм, принципов, институтов и отраслей» [2, с. 59]. Ошибочность этого и подобных утверждений, которыми пестрят советские и постсоветские научные работы по теории права, мы детально разобрали в другой статье [3].

Насколько этот системный образ адекватен реальности права? То, что эти идеальные модели в европейской правовой традиции с XIX в. оказывают влияние на деятельность юристов и парламентариев по созданию кодексов, претедующих на всеобъемлющее регулирование, не вызывает сомнений [4, с. 450–454; 5, с. 135–148]. Вместе с тем редко упорядочивание (систематизация) осуществляется на уровне всего правового порядка – чаще всего она происходит на уровне отдельных блоков нормативного материала (отраслевые, институциональные аспекты организации этого материала). И здесь обнаруживается расхождение между идеалом (создание полной и непротиворечивой системы всех норм правового порядка) и практической деятельностью по реализации этого идеала (создание кодексов, организующих в нормативные множества только отдельные фрагменты правового порядка). При этом предполагается, что каждый вводимый в действие кодекс (понимаемый в логическом аспекте как множество норм, упорядоченных в рамках одного нормативного правового акта) гармонично встраивается в правовой порядок благодаря системным свойствам (системности) права. Предполагается, что более эффективным будет рассматривать систематизацию не в таком холистском, а в частичных аспектах, в ракурсе построения нормативных множеств (систем) применительно к отдельным взятым типичным юридически значимым ситуациям [6, с. 7–13]. Это мнение мы далее обоснуем со ссылкой на теорию нормативных систем К.Э. Альчуррона и Е.В. Булыгина [7].

Во втором из названных аспектов советская и постсоветская теоретическая юриспруденция исходит из выделения предмета и метода правового регулирования как критериев деления явлений правовой действительности по группам (отраслям, институтам и пр.), т. е. построения системы права. Под влиянием объективистских установок марксистско-ленинской философии (вспомним, к примеру, высказывание К. Маркса о том, что «законодательная власть не создает закона, она лишь открывает и формирует его» [8, с. 285]) в юриспруденции советского времени возникло убеждение в том, что структурные деления в праве имеют объективное основание в типологии общественных отношений и способов их юридической регламентации. Но этот подход, сформулированный в 30-х гг. XX в. на основе очевидных идеологических посылок, не позволяет адекватно отразить реальное строение системы права, поскольку под видом объективных закономерностей деления правового материала вводит субъективные критерии (специфика общественных отношений, особенности сочетания методов правового регулирования).

На порочность подобных экзепликативных схем мы обратили внимание в другой работе [9, с. 4-43]. Здесь же попробуем задаться вопросом о том, каковы альтернативы советской предметно-методной концепции структурирования права. Если отвергать эту концепцию, то следует предложить ей на смену другую парадигму, которая способна дать правоведам и юридическому сообществу иные, чем предмет и метод правового регулирования, координаты для проведения делений в праве. В качестве такой альтернативы может использоваться широко известная в западной правовой науке теория нормативных систем, где деления в праве анализируются с помощью методов деонтической логики.

Проблематика нормативных множеств в позитивном праве, способ их формирования, разграничения, развития, консолидации кажется сугубо логической и не принадлежащей к миру юриспруденции как таковой на первый взгляд. На поверку оказывается, что структурирование права в целом (правовая действительность) и нормативно-правового материала в частности (создание кодексов, формирование отраслей законодательства и пр.) основано на конвенции юридического сообщества, что качество проводимых делений и систематизаций зависит от уровня развития юридической техники и, несомненно, от личного вклада юристов. (О важности антропологического измерения таких признаков права, как нормативность и целостность, см. [10, с. 556-564; 11, с. 127-159; 12, с. 31-61; 13, с. 473-497; 14].) Но предположение о конвенциональности доктринальных делений не означает их произвольности: тут на помощь юристам может прийти деонтическая логика, применимость

которой к проблемам юриспруденции неоднократно демонстрировал знаменитый Г.Х. фон Вригт.

Применение к вопросу о систематизации права (в обоих смыслах) методов деонтической логики позволяет найти более выятные критерии выделения нормативно-правовых множеств. В частности, методы логического исчисления следствий правовых норм применительно к регулируемым правом типичным социальным ситуациям способны предоставить в распоряжение исследователя методику анализа избыточности, пробельности или противоречивости правового регулирования на том или ином участке общественных отношений. Теория нормативных систем показывает, что структурирование объективного права можно осуществлять не дедуктивно (выбирая в качестве критерия типичных социальных отношений или особенности регулирования, что неизбежно приводит к субъективизму), а индуктивно — путем анализа социальных ситуаций, модели поведения в которых закрепляются позитивно-правовыми нормами. Сравнительный анализ логических следствий из применения норм к этим ситуациям вкупе с сопоставлением юридически релевантных признаков социальных ситуаций и их решений (алгоритмов должного поведения) между собой позволяет индуктивно формировать логические сочетания нормативных множеств как базу для дальнейшего деления объективного права. Теория нормативных систем дает возможность также отделить ситуации пробелов как логических дефектов правовых установлений от тех случаев, когда к пробельности права апеллируют для того, чтобы показать свое несогласие с ценностным выбором, сделанным законодателем в пользу той или иной модели регулирования.

К нормативным множествам с точки зрения теории нормативных систем можно отнести любую группу норм (нормативных высказываний, предложений, предписаний), которая регламентирует ту или иную типичную практическую ситуацию и имеет один и тот же набор логических следствий. Важной представляется разработка алгоритма оценки правовых текстов с точки зрения деонтико-логических дефектов (пробельность, избыточность, противоречивость), включая матрицы оценки (описание случаев, решений, следствий) с помощью таблиц и схем деонтической логики). Далее, если сконструированы исходные матрицы для анализа нормативных множеств на наличие названных логических дефектов, появляется возможность сравнить (юридически) релевантные свойства каждой урегулированной правом типичной социальной ситуации с такими же свойствами других ситуаций. Подобный анализ ведет к логической группировке нормативных множеств в праве, позволяя делить объективное право с помощью приемов, альтернативных приемам, используемым в советской и

постсоветской юриспруденции (где, как указывалось, принято проводить деление позитивно-правового материала при помощи категорий «предмет» и «метод» правового регулирования). Такая логическая группировка не обязательно должна заменить предметно-методную или иную классификацию, принятую юридическим сообществом и (или) закрепленную в позитивном праве (наподобие Общеправового (или) классификатора отраслей законодательства в России), но может послужить для критики и предложений по совершенствованию таких схем. Данный подход открывает перспективы для изучения возможных логических критериев структуризации (систематизации, упорядочивания) нормативно-правового материала, разработки элементарных единиц структуризации (нормативных множеств) и способов их возможной дальнейшей группировки.

Если посмотреть на право в перспективе теории нормативных систем, то в качестве исходной точки для структурирования нормативно-правового материала могут использоваться логические следствия, которые вытекают из того или иного правового положения. Формируемое таковыми следствиями логическое множество ситуаций может быть представлено как первичная матрица, на которой может быть проверена непротиворечивость, полнота и избыточность правового регулирования данного вопроса. Возможно установить следующие элементы нормативного множества:

универсум свойств, т. е. критерии релевантности, которым когнитивная правовая норма придает юридическое значение при решении правовых споров по той или иной категории дел (неосведомленность приобретателя о порочности титула, возмездность приобретения по делам о виндикации у добросовестного приобретателя и пр.); универсум действий, т. е. модели должного поведения соответствующих акторов (принятие разумных мер предосторожности при проверке титула собственности, личности контрагента и пр.);

универсум случаев, т. е. возможные типичные фактические ситуации, которые могут сложиться по таким делам (передача с оплатой, через обмен, с зачетом встречных требований, передача недвижимости, вещей, определяемых индивидуальными или родовыми признаками, и пр.);

универсум решений, возможные решения и критериев релевантности закрепленной в правовой норме модели и добросовестности приобретателя (оставление вещи при возмездности и добросовестности приобретателя, возврат при их отсутствии, решение при наличии добросовестности и безвозмездности и пр.).

В рамках такой матрицы можно выстроить первичную нормативную систему, проанализировать правовое регулирование в перспективе деонтико-логических свойств (непротиворечивость, беспробельность, неиз-

быточность) и тем самым частично систематизировать нормы, регулирующие данный участок общественных отношений. В таком ракурсе систематизацией может заниматься любой правовец, любой участник правового порядка. Другое дело, что не всякие результаты подобной систематизации будут иметь нормативный характер (а только те из них, которым подобный характер атрибуируется действующими правовыми установлениями).

Идея частичной систематизации, предложенная в «Нормативных системах», выглядит более состоятельной, чем идеал полной и целостной системы права, берущий свои истоки в рационалистической философии Просвещения (хотя этот идеал и играл важную функцию в правотворческой деятельности, но это еще не доказывает его научность). Систематизация как упорядочивание может вестись не с целью создания идеального всеобъемлющего кодекса, но для облегчения работы практикующих юристов по поиску норм, применимых к тому или иному случаю, определяемому родовыми признаками; проводиться самими этими юристами. Такая систематизация позволит выявить все применимые к тому или иному случаю нормы, из чего будет легче увидеть возможные коллизии между ними, пересечение избыточных норм или пробелы.

Ценность кодекса обычно ассоциируется не с полной собранной в нем нормативного материала и всеобъемлемостью регулирования той или иной социальной сферы (комплексное, целостное регулирование общественных отношений – задача вообще трудно выполнимая, поскольку ни одна совокупность норм не способна урегулировать заранее все возможные ситуации в том или ином сегменте социальных связей), а с наличием в кодексах правовых принципов, с помощью которых судьи и иные правоприменители смогут заполнять пробелы. Но эти две задачи – систематизация нормативного материала и формулирование принципов – не являются необходимо взаимодополняющими и могут реализовываться по отдельности. К тому же в реальности правовые принципы практически всегда формулируются (по меньшей мере определяется их конкретное содержание) судьями, тогда как (пере)структурирование нормативного материала остается преимущественно задачей законодателя и (или) представителей юридической доктрины.

Для иллюстрации данной проблематики позволю себе процитировать крупнейшего российского правоведа Н.М. Коркунова: «В противоположность обыденному воззрению юрист не рассматривает каждый отдельный юридический казус как одно целое. Он, напротив, всегда разлагает представляющийся ему практический вопрос на составные элементы, устанавливая сначала распознавание, диагноз каждого отдельного элемента, и затем уже давая решение вопроса так, как он стано-

вится практикой, основывая это решение на совокупности диагнозов, составляющих этот случай элементов. В силу этого там, где не-юрист видит один нераздельный вопрос, допускающий только категорическое решение в положительном или отрицательном смысле, юрист нередко видит целый ряд отдельных вопросов, допускающих каждый самостоятельное решение. В отношении к отдельному практическому случаю такое аналитическое его разложение может естественно показаться лишь напрасным усложнением и запутыванием вопроса. Но если, не ограничиваясь отдельным случаем, мы примем во внимание бесконечный ряд разнообразных случаев, представляемых юридической практикой, то мы поймем, что юридический анализ не запутывает, не усложняет разрешения отдельных случаев, а, напротив, чрезвычайно его упрощает. Дело в том, что посредством такого аналитического разложения мы сводим все бесконечное разнообразие юридических случаев, встречающихся в жизни, к различным комбинациям небольшого числа все одних и тех же основных элементов. Таким образом, изучением этих элементов мы заменяем изучение всего этого пестрого разнообразия возможных случаев» [15, с. 444-445].

В этом смысле нормативные множества, образованные из норм, имеющих общие логические следствия в определенных нормах типичных социальных ситуациях, могут быть представлены как основные структурные элементы позитивного права. В качестве таких элементов в советской и постсоветской юриспруденции обычно рассматриваются правовые нормы, но они не представлены в качестве исходных данностей в юридических текстах и, как показал Г. Кельзен, должны быть сперва мысленно сконструированы юристами на основе таких текстов. Напомним, что учение Г. Кельзена о динамическом характере права предполагало рассмотрение правопорядка не как совокупности статичных правовых норм, а как многоуровневой самоорганизующейся нормативной системы, где содержание правовой нормы формулируется и раскрывается в процессе ее применения. В качестве концептуальной основы учения о динамическом устройстве правового порядка выступает идея о способности права создавать и уничтожать себя через самореферентную структуру связей между правовыми нормами. В этой перспективе создание права представляется как последовательная индивидуализация и конкретизация правовых норм: общие правовые нормы (законодательные предписания) конкретизируют свое содержание применительно к отдельным ситуациям через индивидуальные правовые нормы (судебные и правоприменительные акты), сделки, акты использования права.

Если мы рассматриваем норму как логическую конструкцию (не в смысле элемента правового текста, т. е. нормы как статьи закона,

в этом значении термин чаще всего употребляется в постсоветской юриспруденции), то она предстает как результат мысленного синтеза юристами различных частей правовых текстов, но не как исходная данность права. Если же мы берем в качестве такой исходной данности нормативное множество, то его можно рассматривать как совокупность логических следствий, которые вытекают из той или иной юридически значимой ситуации и урегулированы (в той или иной степени) правом. В этом отношении можно частично согласиться с С.С. Алексеевым, хотя обоснованность его силлогистического образа права и вызывает вопросы. Он писал, что «позитивное право по своему юридическому содержанию может быть охарактеризовано в качестве обителя формальной логики. Самая элементарная, первичная клеточка бытия позитивного права, целеустремленного... на решение жизненной ситуации (дела), в практической жизни людей уже представляет собой логический силлогизм, в котором большой посылой является юридическая норма (формально констатированная или субъективно представляемая), малой — данный жизненный случай, заключением — властное, юридически значимое решение» [2, с. 178].

Разумеется, с методологической точки зрения такое исследование требует предварительного определения границ возможного применения деонтической логики при конструировании и описании нормативных множеств. Применение логики к анализу объективного права представляет собой серьезную концептуальную проблему. На невозможности такого применения настаивали ведущие современные представители различных типов правопонимания: Г. Кельзен, Р. Паунд, К. Ллевеллин и др. Правовые предписания, как правило, связаны с волей создающих их субъектов, но такая воля не обязательно должна следовать законам логики. Право не может быть сведено исключительно к логике и тем более только к формальной логике. Но названный аргумент не препятствует тому, чтобы оценивать качество работы законодателя или правоприменителя с точки зрения логики. Именно для этого и может понадобиться разработка логического инструментария для анализа правовых текстов. Если согласиться с невозможностью решить все вопросы правового регулирования с помощью логики норм, то выделение той части этих проблем, где методы деонтической логики могут вскрыть дефекты нормативно-правового материала, является важной и актуальной задачей современного правоведения.

Несмотря на ряд интересных работ в области логического анализа права и логики норм, комплексный анализ данной методологической основы правовых исследований в советской и постсоветской юридической догматике пока не проведен. Исследования А.А. Ивина и его школы касались преимущественно общеметодологических проблем

логики норм и ее места в исследовании правовых явлений. Исследования В.О. Лобовикова и других философов, пытающихся применить математические модели при анализе правового материала, не способны адекватно отразить деонтическую составляющую права, да и не ставят перед собой такую задачу. Многочисленные исследования системности права, механизма правового регулирования, оценки качества законодательства, юридической техники хотя и ведутся в том же направлении, предполагают несколько иной арсенал научных методов [16, с. 147–151].

Отдельные работы советских и постсоветских авторов посвящены разбору приемов формальной логики при исследовании дел, судебном доказывании и прочих областях правовой жизни. Логические модели обоснования в праве исследовались в трудах Е.Н. Лисанюк, аргументация и топика юридического процесса – в работах А.К. Соболевой. Идеи, аналогичные теории нормативных систем, выдвигались советскими правоведами. В частности, С.С. Алексеев обосновательно полагал, что регулятивную функцию выполняют не столько нормы права, сколько их конгломераты, что первичными единицами системы права являются именно эти регулирующие нормативные комплексы, а «структура таких комплексов на микроуровне воспроизводит структуру правовой системы в целом» [1, с. 8].

Из основной гипотезы теории нормативных систем (о том, что объективное право может быть с учетом известных ограничений описано через категории деонтической логики) вытекает производная гипотеза, которая состоит в том, что различные комбинации деонтических операторов применительно к различным наборам правовых норм позволяют вычленивать элементарные нормативные множества. Эти нормативные множества (или нормативные системы – в рамках выбранного подхода данное терминологическое различие не значимо) могут далее структурироваться в еще более масштабные логические группы. Выбор критериев структуриации при этом остается конвенциональным, т. е. зависящим от согласия сообщества юристов, правоведов. Корректность структуриации множеств может быть проверена методами логики (на предмет полноты, избыточности, непротиворечивости) путем сопоставления таблиц соответствия, в которых каждое множество норм рассматривается сквозь призму способности логически корректно (полно, избыточно и непротиворечиво) решить, урегулировать конкретную типичную жизненную ситуацию.

Такая логическая операция, которая может быть доведена до уровня институтов, отраслей, общностей (частное и публичное) каждого национального правового порядка, дает инструмент для верификации обоснованности вводимых представителями юридической доктрины делений (выделение новых отраслей, институтов и пр.). Эта верификация не

является абсолютной, поскольку доктринальные деления остаются результатом конвенции научного сообщества. Но такая конвенция может оказаться более логически выверенной, если наряду с весом научных авторитетов, школ и доктрин будут приниматься во внимание и выводы о логической состоятельности вводимых делений. Особый интерес данный подход может представлять для анализа и систематизации судебной практики разрешения отдельных категорий дел в связи с формирующейся в арбитражном судопроизводстве концепцией судебного прецедента в России. Ценные выводы могут быть получены также применительно к критериям рубрикации и упорядочивания правовых текстов в электронных базах правовых данных (компьютеризированных информационно-справочных системах), при систематизации судебной и иной правоприменительной практики с помощью названных приемов (деонтико-логический анализ юридически значимых ситуаций, нормативных способов их решения и логических следствий, которые такие решения влекут). В данной перспективе может быть проанализирована правовая традиция [17] и другие неформализованные участки права.

Использование в постсоветской юриспруденции упомянутых выше методов аналитической философии права, известных и широко распространенных в западной теории права, дает возможность для сближения с западной правовой наукой [18, с. 237–247]. Эти идеи могут стать теоретическим фундаментом для разработки более реалистичных концепций упорядочивания правового материала, чем распространенные представления о предмете и методе правового регулирования. В перспективе компаративистских исследований анализ российского (белорусского, украинского и т. д.) права с точки зрения критериев и методов деонтической логики создает основу для сравнительно-правового анализа правового регулирования отдельных сфер социальной действительности в разных странах. Подобное исследование позволяет вести дискуссии о российском (белорусском, украинском и т. д.) праве в мировой компаративистике от идеологических клише и стереотипов, созданных советологами, и сосредоточить внимание исследователей на сходствах и различиях приемов юридической техники.

Помимо более выверенных критериев деления нормативных множеств на группы и анализа логической последовательности правового регулирования данный подход позволяет по-новому взглянуть на само объективное право, которое советскими и постсоветскими теоретиками часто описывается с применением категорий системности без критически выделенных различных ее аспектов, поскольку логическая, социальная, философская и иные системы не являются тождественными друг другу и их применение для описания объективного права приво-

дит к совершенно разным концептуальным результатам. Применение деонтической логики при структурировании и описании объективного права способно снять риск ошибочных обобщений и выводов в результате полисемантизма термина «система».

С одной стороны, понимание того, что только логическая (но не обязательно нормативная, правовая) система необходимо является закрытой, полной и беспробельной (иначе она уже не будет логической системой), дает возможность уйти от системных иллюзий при описании позитивного права. С другой стороны, любой правопорядок конструируется юристами исходя из идеала системы (предполагается, что позитивное право должно быть логически полным и непротиворечивым, последовательно замкнутым на признаваемые тем или иным правопорядком источники права), в связи с чем формулируются общеправовые принципы (правила замыкания) и коллизсионные правила. Именно в этой перспективе можно объяснить претензии каждого правопорядка на закрытость (в смысле независимости правового регулирования от внешних факторов – других нормативных регуляторов, иностранного или международного влияния). С этой точки зрения может быть лучше осмыслено одно из ключевых понятий государственности – суверенитет, которое прежде всего указывает на независимость правопорядка (в смысле логической самостоятельности процессивного разования и применения права), но которое иногда некритически применяется для характеристики фактической независимости государства от внешних и внутренних сил.

В области практической юридической деятельности результаты исследования могут стать значимыми при систематизации (в первую очередь кодификации) права. Также введение логических критериев неизбыточности, непротиворечивости и беспробельности права позволит правотворческим органам более корректно осуществлять законодательное регулирование, на основе логических критериев вычлечения соответствующих участки социальных отношений, требующих нормативной регламентации. (О проблемах, связанных с недостаточным методологическим обоснованием систематизации российского уголовного права, см. [19, с. 20–36].) Результаты исследования могут стать интересными и значимыми для судопроизводства, особенно по делам, связанным с оспариванием нормативных правовых актов (прежде всего конституционное судопроизводство), и по тем категориям дел, когда перед судьей встает выбор между несколькими применимыми к рассматриваемому делу коллидирующими нормами права. Решая вопрос о следовании ранее сформированной судебной практике (так называемому прецедентному праву в России) в виде руководящих разъяснений

высших инстанций, обзоров судебной практики или постановления Высшего арбитражного суда Российской Федерации по конкретному делу, суд получит возможность более четко просчитать сходства и отличия между случаями, описываемыми в прецедентных делах, и рассматриваемым им делом, сравнить логические следствия из различных прецедентов и вывести из них правило для рассматриваемого дела (либо прийти к невозможности такого вывода). Но что самое важное, суд сможет более корректно сформулировать само правило поведения (алгоритм должных действий в абстрактной ситуации), которое в акте высшей судебной инстанции может носить расплывчатый характер, определять релевантные свойства для отдельных областей регулирования (устанавливать принципы права) и за счет этого устранять (преодолевать) логические дефекты правового регулирования при рассмотрении конкретных дел.

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1994.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999.
3. Антонов М.В. О системности права и «системных» понятиях в праве // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2013. № 5.
4. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики: монография. М.: Юрилитинформ, 2012.
5. Аарньо А. Систематизация и интерпретация законов // Проблемы философии права. 2006–2007. Т. IV–V.
6. Булыгин Е.В. К проблеме объективности права // Проблемы философии права. 2005. Т. III. № 1–2.
7. Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. Нормативные системы / пер. с англ. М.В. Антонова // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2013.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I.
9. Антонов М.В., Лисанок Е.Н. Нормативные системы в теории права и логике норм // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2013.
10. Павлов В.И. Конструкция нормы права в контексте антропологического типа правопонимания // Юрид. техника. 2013. № 7, ч. 2.
11. Стомба А.В. Темпоральная онтология права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы / под ред. А.В. Стомбы. Харьков, 2013.
12. Максимов С.И. Концепция правовой реальности // Неклассическая философия права: вопросы и ответы / под ред. А.В. Стомбы. Харьков, 2013.
13. Александров А.С. Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве // Рос. ежегодник теории права. 2008. № 1.
14. Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание: монография. СПб.: Алф-Пресс, 2012.
15. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: РОССПЭН, 2010.

нического количества параметров, как правило, не проявляется и не осмысливается.

В силу *глобальности* исходным объектом анализа выступает мировая система (world-system¹), т. е. проходящий определенные стадии развития пространственно-временной континуум, охватывающий объединенные общими идеями и ценностями политические и культурные элементы, которые невозможно рассматривать по отдельности, понимающий себя в качестве всего мира, даже не будучи таким географически. В определенном смысле миросистемный анализ можно отождествить с цивилизационным подходом при рассмотрении государства в качестве составной и неотъемлемой части миросистемы.

Историчность (историческая длительность, протяженность) связывает факт либо суждение о нем с пространством и временем, вводя в предмет анализа проявляемые в видимых и выявляемых закономерностях временные отрезки бытия структур и процессов миросистемы. Так, Н.Д. Кондратьев ввел в научный оборот термин «конъюнктура», являющийся видом экономической динамики, отражающей процесс изменения экономических элементов и связей [3, с. 9–10]. Историчность позволяет рассматривать миросистему как историческую систему, т. е. долговременную крупномасштабную общность (целостность), характеризующуюся разделением труда, организующими принципами, институтами, культурными системами, внутренними противоречиями, относительной пространственно-временной автономией, обладающую качеством конечности. Конечность (ограниченность срока бытия) позволяет говорить о генезисе, развитии и упадке исторической системы, т. е. ее временной (исторической) траектории, что в принципе свойственно любому явлению. Историчность также проявляется в методологическом *принципе историко-размерности* изучаемого феномена, т. е. неразрывной связи феномена, социокультурного контекста, а также глубины исторической и иной перспективы, протяженность которых может давать корректные (в логике избранной концепции), но различные выводы.

Монодисциплинарность позволяет изучать целостность, не допуская ее разделения на самостоятельные, независимые и автономные экономическую, политическую и социокультурную сферы в силу их

¹ При использовании миросистемного анализа важно адекватное понимание терминов world-system, world-economy, world-empire без потери важных смысловых оттенков. World-economy передается двойственным образом – как «мир-экономика» и как «миро-экономика». В первом случае это часть мира или весь мир, являющийся единым экономическим целым и, что не менее важно, где именно экономика является ведущей сферой общественной деятельности. «Мироэкономика» – это «мир-экономика», распространяющийся географически на весь земной шар [2, с. 11].

16. Василевич Г.А. Конституционность как важнейшее условие качества нормативных актов // Проблемы упр. 2010. № 1.

17. Сагохина Н.И. Правовая традиция как нормативная система: герменевтический подход // Философия права и ответственность государства / под ред. С.И. Дудника, И.Д. Осипова. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2012.

18. Антонов М.В., Лисанюк Е.Н., Перов В.Ю. Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2011. № 5.

19. Бойко А.И. Предусловия систематизации уголовного законодательства // Б-ка криминалиста. 2013. № 6.

УДК 340.12

С.А. Калинин, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

МИРОСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Методологической особенностью любого познания является установление применительно к поставленным проблемам исходной точки для анализа, определение базовой методологии научного исследования, идеалов и норм познания, философских оснований науки, которые определяют дальнейший единый вектор для производных методов, принципов и стереотипов познания. На наш взгляд, адекватной объединяющей концепцией, позволяющей изучать взятые в глобальном контексте проблемы государства и права, является миросистемный анализ (World-Systems Research).

Фактически миросистемный анализ, изучающий реальность с позиций глобальности, историчности, монодисциплинарности и холизма, можно рассматривать как теорию геосторических изменений и метадисциплинарную альтернативу традиционным социальным наукам [1]. Это позволяет в глобальной перспективе связать воедино географические факторы, длительные исторические процессы и порожденные ими структуры, преодолеть разрыв субъекта и объекта, индивида и общества, человека и объективной реальности. При этом особенностью данного подхода является подчеркиваемый экономизм, позволяющий связывать доминирующий тип производства с организацией публичной власти, социальными структурами, нормирующими институтами и ценностями. При дисциплинарном рассмотрении эта связь в силу огра-